

М. Куделя

Сумерки «красных дней»

Декабрь 1905 года
в Иркутске

Максим Куделя

**Сумерки «красных дней».
Декабрь 1905 года в Иркутске**

«Издательские решения»

Куделя М. В.

Сумерки «красных дней». Декабрь 1905 года в Иркутске /
М. В. Куделя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836423-5

«...в чреде бурных событий „красных“ дней, как назвал их один из участников первой русской революции в Иркутске, есть одно, не то чтобы замалчиваемое, но практически не отрефлексированное. 16 декабря 1905 года в Глазковском предместье города, расположенном на левом берегу Ангары и примыкавшему к железнодорожному вокзалу, произошел настоящий „классический“ погром, жертвами которого стали местные „кавказцы“». Рассматриваются обстоятельства возникновения беспорядков, их последствия и причины.

ISBN 978-5-44-836423-5

© Куделя М. В.
© Издательские решения

Содержание

«Неважная» страница истории	6
Глазковский погром: как это было	10
Источники	10
Реконструкция событий 16—18 декабря 1905 г.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Сумерки «красных дней»
Декабрь 1905 года в Иркутске
Максим Викторович Куделя**

© Максим Викторович Куделя, 2017

ISBN 978-5-4483-6423-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Неважная» страница истории

Тревожно начинался в России 1905 год. «Эпоха доверия к обществу», объявленная министром внутренних дел князем Святополк-Мирским, назначенным на этот пост после убийства террористами его предшественника фон Плеве летом 1904 года, не оправдала возложенных на нее надежд. «Общество», в самом широком смысле этого слова, хотело не «доверия», а представительства во власти, свободы слова и печати и, что существеннее – 8-часового рабочего дня и отмены выкупных платежей за землю, висевших на многомиллионном крестьянстве с момента отмены крепостного права. Желательно немедленно.

Война с Японией тоже не добавляла очков правительству – тактика «посидим у моря, подождем погоды» привела к тому, что 20 декабря, после почти годичной блокады, был сдан Порт-Артур и практически полностью потерян тихоокеанский флот. Десятки тысяч вырванных мобилизацией из хозяйства рук, тянувшихся в сопки Маньчжурии, полупарализовавших движение по Транссибирской железнодорожной магистрали и возвращавшихся обратно тысячами раненных, только усугубляли общее недовольство текущим положением дел. И уже самому непрестальному наблюдателю становилось понятно, что перемены неизбежны. Кто-то ждал их со страхом, кто-то с нетерпением и твердой уверенностью в их необходимости. К концу 1904 года общая атмосфера в стране настраивала на революционный взрыв буквально со дня на день.



Плакат времен Русско-японской войны

Традиционно насыщенный политическими ссыльными, переполненный военными, испытывающий проблемы с подвозом продовольствия Иркутск не отставал в своих настроениях от общероссийских тенденций.

5 января 1905 года на улицах г. Иркутска можно было видеть шагающую импозантную фигуру завоевателя Сибири Ермака Тимофеевича. Он был одет в древний воинский доспех «кольчугу», опоясан большим мечом, на голове у него была каска ерихонка с «бармицей» вокруг шеи и опущенной под лицом защитной стрелкой. Входя в дома, Ермак Тимофеевич глухим, загробным голосом говорил: «Что вы делаете, опомнитесь! Вы все спите, проснитесь – отряхнитесь. Не то погибнет ваша сила, мощь, иссушат её тишины и приставники!». Появление Ермака производило необычайное действие

на хозяев квартир. На улицах прохожие взирали на Ермака с суеверным почтением¹.

У этой истории нет продолжения и на первый взгляд она смотрится чьим-то забавным розыгрышем, однако и в самой этой шутке и в реакции на нее иркутских обывателей считывается характеристика момента.

Далее были «Кровавое воскресенье», «Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима...», повсеместные крестьянские волнения, забастовки, всероссийская политическая стачка и, наконец, Манифест 17 октября – призрачная и недолгая победа над самодержавием.

По мере приближения к развязке повсеместно и во всех лагерях росли подозрительность и нетерпимость к инакомыслию, а вслед за ними поднималась волна насилия. В воздухе носилось предчувствие погромов. Со страхом ждали крестьянских погромов помещики, с обреченной уверенностью в неизбежности еврейских погромов – местечки черты оседлости, с некоторой долей бравады и даже нетерпения – студенты и революционно настроенная интеллигенция. Погромов («черных», «красных», «солдатских») с опаской ждал и обыватель, озабоченный дефицитом, дороговизной и ростом преступности. И конечно были те, кто считал, что давно пора прикрыть этот балаган со стачками из-за которого «растут цены» или «падают доходы», и что самым прямым и коротким путем к этому будет как раз силовой.

На фоне экономического кризиса и обвального падения престижа власти, активно дискредитируемой как нелегальной революционной прессой и агитаторами, так и на страницах либеральных периодических изданий, усиливающаяся поляризация общественных настроений привела к знаменитой погромной волне, прокатившейся почти по 400 населенным пунктам Российской Империи с 17 по 31 октября 1905 года. По различным оценкам в результате массовых беспорядков – собственно погромов, столкновений «разнозаряженных» манифестаций, разгона войсками – погибло от 1,5 до 4 тысяч, и было ранено от 3,5 до 10 тысяч человек². Большая часть беспорядков произошла в южных и западных губерниях, однако и в Сибири имели место резонансные эксцессы. Особенно выделились события в Томске 20—22 октября, по количеству пострадавших (69 убитых и умерших от ран, 129 раненных³) и уровню жестокости (поджог здания тяги Сибирской железной дороги и избиение пытавшихся из него спастись людей), ставившиеся в один ряд с погромами в Киеве и Одессе.

Иркутск на фоне Томска выглядел сравнительно мирным. В уличных столкновениях 16—17 октября было убито и получило смертельные ранения всего лишь 6 человек⁴. Впоследствии все активные участники событий ставили эту «малокровность» в заслугу именно себе. Так, иркутский генерал-губернатор П. И. Кутайсов докладывал Императору:

«Благодаря своевременно принятым мерам удалось, хотя и с очень большим трудом, избежать дальнейших уличных побоищ и еврейского пограма, что особенно было трудно сделать именно в Иркутске, где и при обыкновенных условиях жизни смертоубийства представляют, благодаря массе преступного элемента, явления совершенно обычные»⁵

¹ Восточное Обозрение, 1905, №7 (9 янв.).

² Степанов С. А. Черная сотня. М., 2013. – С. 86—87.

³ Шиловский М. В Томский погром 20—22 октября 1905 г. Томск, 2010. 150 с.

⁴ Восточное обозрение, 1905, №№233—235, 251. Кроме того, по политическим мотивам в ночь на 22 октября в ресторане «Россия» одним из пьяных посетителей был застрелен А. М. Станиловский. На страницах «Восточного обозрения» поименно перечислены 13 пострадавших (из них 9 с огнестрельными ранениями), обратившихся в городскую Кузнецовскую больницу, но разной степени побитых конечно же было больше.

⁵ Цит. по: О беспорядках, начавшихся в Иркутске со второй половины октября текущего года: доклад иркутского генерал-губернатора Николаю II. Доложено его величеству в Царском селе 8 января 1906 г. // Карательные экспедиции в Сибири. М., 1932. С. 53.

Революционеры писали о том, что «черная сотня» не смогла проявить себя в больших масштабах только благодаря заблаговременно организованной и вооруженной ими самообороны:

«...первый же энергичный отпор, данный им нашей дружиной, когда они раз попытались устроить избиение расходящейся после Собрания публики (при этом был убит их предводитель), отнял у этой столь же трусливой, сколь и блудливой организации охоту повторять эксперименты»⁶

Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов, как выразитель мнений лагеря либерально настроенных земцев говорил о успешном налаживании диалога с властями:

«Кутайсов... уверял меня, что ссыльные готовят восстание, что в этом духе на митингах говорят речи. Мы заговорили о событиях. Я убеждал его не пускать в ход оружие. В конце концов он дал обещание, что солдаты не будут стрелять и при мне же послал адъютанта передать это распоряжение коменданту города. ... Он исполнил обещание – солдаты в Иркутске не стреляли»⁷

Даже иркутское священство отметилось стяжанием славы единственной преграды погрому в городе: в 1912 году, после смерти иркутского архиепископа Тихона (Данебин-Троицкого) при рассмотрении в городской думе вопроса об увековечении его памяти, это стало одним из главных аргументов в докладе гласного думы протоиерея М. А. Фивейского:

«В одну из декабрьских ночей бурного 1905 г. группою местных лиц было задумано устроить в городе погром. Представители группы явились к архиепископу с ходатайством о разрешении им ударить в 2 часа ночи в набат с колоколен местных храмов. По звукам набата и должен был начаться погром. Покойный владыка категорически воспрепятствовал этому злему умыслу и не только отказал в разрешении ударить в набат, но и обратился к делегатам со словами увещевания, убедив их оставить свою затею, мирно разойтись по своим домам и лечь спать. Таким образом, единственно лишь благодаря усилиям покойного и его личному почину, было предотвращено злое дело, которое причинило бы городу сотысячные убытки, стоило бы множества человеческих жертв и покрыло бы Иркутск позорным пятном на многие годы»⁸.

При этом в других городах те же факторы (невмешательство войск, активность революционной самообороны) зачастую приводили к обратному эффекту или никак не влияли на развитие событий (как, например, попытки священников усювестить погромщиков).

Как бы то ни было, все сходились на том, что в Иркутске, несмотря на высокую концентрацию «раздражителей», обычно становившихся объектами черносотенных нападений – железнодорожников, телеграфистов, студентов, евреев, поляков – погрома удалось избежать. Даже имевший место факт осквернения в пятиклассном городском училище портрета императора⁹ не сыграл роль нажатия «спускового крючка», как это часто бывало в иных местах. Общая степень выдержки и терпимости по отношению друг к другу, присущая населению города, выгодно выделили столицу Восточной Сибири среди прочих крупных городов Империи.

⁶ Мандельберг В. Е. Из пережитого. Давос, 1910

⁷ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 272.

⁸ «Известия Иркутской городской думы», 1912, №№13/14, стр. 31.

⁹ Училище располагалось в центре города – на углу ул. Большой и Амурской (ныне здание Байкальского экономического университета). См.: Метелкина Л. Н. Общественно-политическое движение учащейся молодежи Восточной Сибири и влияние на него партий демократического направления. 1902 – февраль 1917 года: дис. ... к. и. н. Иркутск, 1993. С. 86.

Однако в череде бурных событий «красных» дней, как назвал их один из участников первой русской революции в Иркутске И. И. Серебренников, есть одно, не то чтобы замалчиваемое, но практически не отрефлексированное. 16 декабря 1905 года в Глазковском предместье города, расположенном на левом берегу Ангары и примыкавшему к железнодорожному вокзалу, произошел настоящий «классический» погром, жертвами которого стали местные «кавказцы».

Квалификация массовых беспорядков именно как «погромы» ни у кого не вызывала сомнений уже в день их возникновения. Но ни в немногочисленных газетных публикациях «по горячим следам»¹⁰, ни в воспоминаниях и исследованиях позднейшего времени не обнаруживается анализа причин вспышки агрессии, нет оценки ее последствий и даже законченного описания событий. В ряде обобщающих работ о погроме вообще не упоминается¹¹, в других он просто отмечается как факт¹² и лишь в одной единственной статье 1954 года¹³ – постулируется его провокационный и черносотенный характер, но эта интерпретация в силу ее очевидной тенденциозности осталась единичной.

С одной стороны, это объясняется тем, что «Глазковский погром» не вплетался в революционную канву, как она понималась в то время и на которой было сосредоточено внимание, как непосредственно в 1905—1906 годах, так и, тем более, в советский период.

С другой стороны, в самой скупости упоминаний современников читается недоумение и желание дистанцироваться от случившегося. Эта тенденция выразилась в объявлении единственными акторами погромы представителей социального дна и криминальных кругов («золоторотцев», «босяков»)¹⁴, чем как бы говорилось: «это были не мы». Но гораздо хуже выглядит из дня сегодняшнего «тактика» простой безоценочной констатации, создающая впечатление, что погром для Иркутска – вполне нормальное явление, о котором и писать то особо нечего – «случился и случился, дело обычное».

¹⁰ См.: Иркутские губернские ведомости, 1905, №№4230—4232.

¹¹ Локуциевский В. Воспоминания о 1905 годе // Сибирские огни, 1935, №6, С. 138—145; Вендрих Г. А. 1905 года в Иркутске. Иркутск, 1955. 48 с.; Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Восточной Сибири. Иркутск, 1941. 152; Дулов, В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905 – 1907 гг. Иркутск, 1955. 192 с.; Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1: 1901—1920 гг. Иркутск, 1966. 381 с.; Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661—1940 гг. Иркутск, 2003. 847 с.

¹² Серебренников И. И. «Красные» дни в Иркутске // Сибирские вопросы, 1907, №27, С. 4; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг. СПб, 1908. С. 82; Мелентьев А. Забайкальская железная дорога во время мира и Русско-Японской войны 1900—1907 гг. Асхабад, 1911. С. 131; Войтинский В. С., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 159—160; Гольдберг И. Г. То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске) // Сибирские огни, 1925, №4—5, С. 222; Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 272.; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924. Иркутск, 1994. С. 65; Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 247; Чернигов А. К. Иркутские повествования. Т. 1. Иркутск, 2003, С. 308; Шиловский М. В. Первая русская революция 1905—1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 161—162; Иркутский край. Четыре века. Иркутск, 2012. С. 415; Сысоев А. Л. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. Иркутск, 2013. С. 178—179.

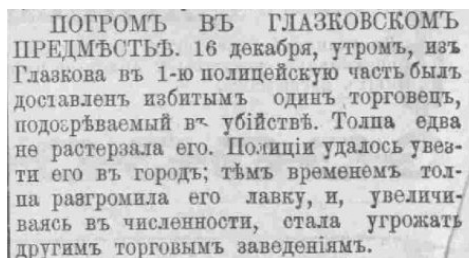
¹³ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского гос. историко-архивн. ин-та, Т. 6, 1954, С. 75—165.

¹⁴ Войтинский В. С. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 159—160.

Глазковский погром: как это было

Источники

Одним из наиболее информативных опубликованных источников о событиях 16—18 декабря и их последствиях является серия материалов в иркутской газете «Восточное обозрение»¹⁵. Это краткие новостные заметки, объявления и, что особенно интересно, показания очевидцев – рабочего железнодорожного депо и владельца одного из разгромленных домовладений. К сожалению, публикация этих свидетельств по не вполне понятным причинам не была завершена. Возможно, их отодвинули на второй план более «горячие» новости, такие как покушения на гражданского вице-губернатора (23 декабря) и исполняющего дела полицмейстера (26 декабря). С объявлением же в городе военного положения и ретирадой в Россию, ввиду приближения карательного эшелона Меллер-Закомельского, главного редактора газеты И. И. Попова, в силу вероятно вступили самоцензурные соображения, поскольку «Восточное обозрение», как либеральный рупор в освещении событий акцентировалась на бездействии властей. Впрочем, 24 января 1906 года издание все равно было закрыто постановлением временного генерал-губернатора Даниловича¹⁶.



ПОГРОМЪ ВЪ ГЛАЗКОВСКОМЪ
ПРЕДМѢСТЬѢ. 16 декабря, утромъ, изъ
Глазкова въ 1-ю полицейскую часть былъ
доставленъ избитымъ одинъ торговецъ,
подозрѣваемый въ убійствѣ. Толпа едва
не растерзала его. Полиціи удалось уве-
сти его въ городъ; тѣмъ временемъ тол-
па разгромила его лавку, и, увеличи-
ваясь въ численности, стала угрожать
другимъ торговымъ заведеніямъ.

«Иркутские губернские ведомости», 1905, №4230

Вторым источником сведений выступает официальный печатный орган – «Иркутские губернские ведомости». Они, конечно, были не так оперативны и красочны в деталях, однако в чем-то более точны в силу прямого доступа к полицейской информации. Недаром «Ведомости» неоднократно поправляли «Восточное обозрение», часто слишком спешившее донести до читателей сенсационные новости.

И, наконец, очень интересным и подробным источником является часть «Отчета о деятельности Иркутского Аптечного Склада Красного Креста» доктора Александра Никитича Червенцова¹⁷, оказавшегося волею случая в эпицентре событий 16—18 декабря. Отчет был опубликован в 1909 году в книге «Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов», причем содержит даже несколько фотографий.

¹⁵ Восточное обозрение, 1905, №№279—285, 288—290.

¹⁶ «Иркутские губернские ведомости», 1906, №4259 (24 янв.), С. 2.

¹⁷ Червенцов А. Н., заведовал медицинской частью района, старший врач 5 и 6 дезинфекторских отрядов, врач Байкальской переправы на пароходе «Феодосий», заведовал столовой при станции Иркутск, аптечным складом. Сведения см.: Список лиц, командированных Главным управлением и Главноуполномоченным в учреждения Красного Креста Сибирского района во время Русско-Японской войны 1904—5 гг. // Кауфман П. М. Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов. Т. 1: Сибирский район. Ч. 1. – СПб., 1909. – С. 371.

Реконструкция событий 16—18 декабря 1905 г.

16 декабря. Пятница

В начале девятого часа утра пятницы 16 декабря 1905 года, едва взошло солнце¹⁸, а 22 градусный мороз¹⁹ был особенно ощутим, под мостом на Мало-Александровской²⁰ улице близ дачи бухгалтера горного управления Ф. И. Кроновича²¹ был обнаружен труп ефрейтора 4 Заамурского железнодорожного батальона Николая Кузьменко с огнестрельным ранением в грудь и ножевым – на горле. Следы крови на снегу вели к дому Шустова на той же улице. В нем располагалась мелочная лавка и чаевая, содержимые «жителем селения Грен, Телавского уезда, Тифлисской губернии, Николаем Хахутовым»²².

«Дача Кроновича» неоднократно фигурировала в документах заседаний иркутской городской думы на рубеже веков²³. Сегодня это дом по адресу ул. Профсоюзная, 16. В 1905 году он снимался городской управой под глазковское начальное училище²⁴.

Буквально в течение часа у места предполагаемого убийства собралась толпа, состоявшая главным образом (но не исключительно) из железнодорожных рабочих, кондукторов, смазчиков и т. п. Причем, по свидетельству одного из очевидцев имела место прямая «мобилизация» – с 9 утра или даже ранее в депо²⁵ начали приходить люди, говорившие, что «в одной из черкесских лавок убили солдата» и комендант станции «звет рабочих помочь арестовать и обыскать убийц». Более того, кое кто прямо заявлял, что комендант звет «разбить черкесов», то есть имела место установка на конфликт с «черкесами» («кавказцами»), являвшимися, среди прочих, держателями мелочной торговли, заведений общепита и гостиничных «номеров» в районе вокзала.

¹⁸ Восход солнца 16 декабря в Иркутске приходился в 1905 году на 8 ч. 10 мин. (см. «Иркутский календарь на 1901 год». Иркутск, 1901. С. 38), что соответствует 9 ч. 14 мин. по стандартному «зимнему» времени, используемому в Иркутской области с 26 октября 2014 года.

¹⁹ Температура по Цельсию здесь и далее приводится по данным бюллетеней Иркутской магнитно-метеорологической лаборатории. См.: Иркутские губернские ведомости, 1905, №4232 (20 дек.), С. 3 и №4234 (22 дек.), С. 3.

²⁰ Мало-Александровской улицы нет ни на планах Иркутска, ни в адресных и памятных книжках, издававшихся ежегодно. В справочнике 1901 г. дача Кроновича перечислена в списке домовладений по Предполагаемой Александровской улице. В некоторых источниках (см., например, на сайте «Иркипедия») Мало-Александровской называется современная ул. Беллинского, являющаяся логическим продолжением улицы Профсоюзной за рощей «Звездочка». Однако еще в справочнике 1908 г. Александровская ул., оканчивается рощей.

²¹ См.: Адрес-календарь г. Иркутска, 1901 г. С. 168, 417

²² Иркутские губернские ведомости, 1905, 19 дек., С. 3.

²³ Известия Иркутской городской думы, 1898, №23—24, С. 749; 1899, №9—10, 1899, С. 12; 1900, №21—22, С. 374—375; 1903, №3—4, С. 23; 1909, №1—2, С. 66.

²⁴ Известия Иркутской городской думы. 1907, №5—8, С. 378.

²⁵ Здесь не совсем понятно куда приходили «агитаторы». Депо (вагонный сарай) сгорело дотла буквально за несколько дней до описываемых событий – в ночь с 12 на 13 декабря. Возможно, речь идет о новом каменном здании, которое строилось с осени 1905, но находилось в процессе отделки до весны 1906 года.



Общий настрой был таков, что железнодорожники (а в иркутском депо их насчитывалось порядка восьми-девяти сотен²⁶) начали массово сниматься с работы и двигаться к дому Шустова. Причем по пути им приходилось миновать труп Кузьменко, не убранный еще и к 10 утра, а лишь прикрытый шинелью²⁷. Это могло стать дополнительным раздражающим фактором, поскольку железнодорожные войска формировались преимущественно из рабочих-железнодорожников, и они в какой-то мере воспринимались как «свой».

В какой момент начались собственно беспорядки, не вполне ясно. Дальнейшая хронология событий восстанавливается с трудом. Нет уверенности даже в том, что полиция вообще присутствовала при начале погрома. Можно предположить, что всё началось с отправки подозреваемого «в город», что могло быть воспринято возбужденными людьми, как попытка увести его от ответственности.

«Толпа стала требовать выдачи ей Хахутова, над которым хотела учинить самосуд. Однако полицейскому чиновнику удалось отправить Хахутова, тайком от толпы, в 1 [полицейскую] часть»²⁸.

Правда, в другом описании указывается, что

²⁶ Численность рабочих депо – открытый вопрос. В «Постановлении собрания рабочих Иркутского железнодорожного депо» от 2 января 1906 г. указано число присутствующих – 840 человек (См.: Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955. С. 125). В то же время есть сведения, что в депо («Вагонном сарае») в то время работало порядка 200 человек (см.: Иркутское пассажирское вагонное депо. 100 лет / сост. В. Л. Курочкин, М. Г. Баграев. Иркутск, 1997. С. 9). Однако, учитывая количество оружия, выданного рабочим депо для организации дружины самообороны (около 650 ед., о чем см. ниже), я склоняюсь к более высокой цифре.

²⁷ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

²⁸ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

«арестованного Хахутова, страшно избитого, околоточному надзирателю едва удалось спасти от ярости толпы»²⁹.

«Тайком» и «страшно избитого» уже плохо сочетаются, а, кроме того, по свидетельству анонимного участника событий, избиваемых обитателей дома Шустова защитили и сдали под охрану военные члены городской дружины самообороны:

«Я держался того мнения, что всех кавказцев без причинения им побоев арестовать, обезопасив их таким путем. ... В это время из угла вытащили кавказца небольшого роста. Мы тотчас же окружили его, защищая от ударов, и благополучно довели до вагона, если не считать двух ударов со стороны каких-то личностей. Следом за нами к вагону привели страшно окровавленного кавказца, за ним третьего. Всех их посадили в вагон, а толпу разогнали, чтоб она не убила арестованных. ... Сдав арестованных кавказцев на попечение военного караула, я отправился с кучкой своих товарищей на место погрома»³⁰.

О полиции в этом описании нет ни слова. То, что именно околоточный отправил Хахутова за реку сомнений не вызывает, но его заслуги как спасителя «от ярости толпы» не столь очевидны.

Как бы то ни было, уже к 10 часам утра толпа приступила к разгрому лавки Хахутова. Причем в «классическом» для начала погромов стиле – с порчей и уничтожением имущества, поисками подтверждений своим подозрениям, которые могли быть использованы в качестве оправдания для дальнейших самосудных действий.

«В толпе говорили, что в лавочке найдены три винтовки, башлык, папаха и др. солдатские вещи. Толпа все сокрушала: разбивала двери, выворачивала полы, все ища чего-то»³¹.



Глазковское предместье на плане Иркутска 1908 г.

В течении следующего часа погром распространился на Кругобайкальскую³² и Александровскую³³ улицы, сохраняя свой преимущественно деструктивный характер:

²⁹ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

³⁰ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2; 22 дек., С. 2.

³¹ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

³² Сейчас ул. Терешковой

³³ Сейчас ул. Профсоюзная

«На Кругобайкальской улице, по обеим ее сторонам, стоял народ; погром происходил всех лавок, которые находились против водокачки недалеко от церкви. Видно было, как одна сторона улицы внимательно следила за другой, где всё время неслись дикие вопли толпы, какие-то предметы летели на воздух и слышались выстрелы»³⁴.

«На месте погрома мне представилась дикая картина истребления самых разнообразных товаров. Одни, забравшись в лавку, выбрасывали оттуда товары, другие тут же их уничтожали. Различные материи, новые резиновые калоши – все рвалось и резалось ножами в клочья. Все хрупкое вдребезги разбивалось»³⁵.

По мере эскалации беспорядков число их участников увеличивалось за счет присоединения демобилизованных солдат, находившихся в районе станции, и местных обывателей вполне определенного образа жизни:

«К рабочим присоединились несколько подозрительных личностей, как напр. пьяный, с подбитыми глазами, оборванец и два-три мелких торговца»³⁶.

Усиливалось ожесточение, подогреваемое спиртным из «разбиваемых» лавок.

«Вот из лавочки выскакивает кавказец и что есть силы пускается бежать по улице. Удары палками сваливают его с ног, а выстрелы уже в лежащего, беспомощного человека приканчивают его. ... толпа продолжает бесчинствовать. Вновь раздаются выстрелы, после которых воздух оглашается страшным нечеловеческим криком женщины. ... Бегу вперед и вижу валяющуюся по земле уже немолодую женщину черкешенку. Она безутешно рыдает. Тут же лежит окровавленный труп седого кавказца, как оказалось – ее мужа»

³⁴ Червенцов А. Н. Отчет о деятельности Иркутского Аптечного Склада Красного Креста // Кауфман П. М. Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов. Т. 1: Сибирский район. Ч. 1. – СПб., 1909. – С. 331—343.

³⁵ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

³⁶ Червенцов А. Н. Указ. соч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.